

Е.Л. Деменок

Дважды спасённая работа Давида Бурлюка

Те, кто живут в «старом» центре – счастливики. Каких только чудес не встретишь порой в старых квартирах: старинные картины на стенах, уникальные книги в библиотеках... Да что там в квартирах – иногда чудеса можно обнаружить... в мусорном контейнере. Или возле него.

Так случилось однажды на улице Конной с некой юной студенткой нашего Художественного училища. Правда, это «однажды» было в конце 80-х годов, и вероятность такого чуда с годами неумолимо снижается, но всё же... Проходя мимо мусорных баков, она заметила, что в одном из них, прямо сверху, лежит папка, из которой выглядывают листы с рисунками. И как ни отговаривала мама, как ни стыдила, что копаться в мусоре некрасиво – здоровая любознательность, к счастью, взяла верх. В папке оказались десятки листов графики художников ТЮРХа – Кириака Костанди, Тита Дворникова, Герасима Головова, Владимира Заузе. И не только южнорусских – среди рисунков оказались листы работы Сандро Фазини, брата Ильи Ильфа, одного из активных участников одесского Общества независимых. И – акварель Давида Бурлюка.

Работа Бурлюка привлекла внимание одной из последних – в послевоенное советское время это имя не было на слуху. Бурлюка знали в основном литературоведы – как друга Владимира Маяковского. А ведь в 30-е годы обладание такой работой могло стоить хозяину свободы – достаточно вспомнить судьбу работ художников русского авангарда, хранившихся в Одесском художественном музее, и судьбу самого директора музея Цви Савельевича Эмского-Могилевского, который был расстрелян в 1937 году без всяких на то оснований. Работы Кандинского, Ларионова и других были попросту уничтожены – в эпоху восторжествовавшего соцреализма им не было места в советских музеях и коллекциях. Поэтому то, что акварель Давида Давидовича сохранилась в частной коллекции до конца 80-х – маленькое чудо.

Второе чудо и спасение – что у мусорных баков именно в этот момент оказался художник. Страшно подумать, сколько шедевров погибло в нашем городе в годы революции и войны. Немало погибло и потом – из-за незнания, невнимательности, равнодушия... Но небольшая работа Бурлюка выжила. И это здорово.

Интересно, что легендарный одесский краевед и коллекционер Сергей Зенонович Луцкич знал о художнике и коллекционере, жившем на углу Пастера и Конной. Но так и не смог попасть к нему домой. Увы, то, что мы собираем всю жизнь, может иногда оказаться неинтересным и ненужным идущим вслед за нами...

Пейзаж с деревьями, горами и морем – нередкий сюжет для Бурлюка, начиная с японского периода (1920-1922). Однако описываемая работа, скорее всего, является более ранней – не позднее 1911 года, когда Давид Бурлюк окончил по II разряду живописное отделение Художественного училища Одесского общества изящных искусств и получил столь необходимый диплом.

«...Зиму 1910–11 я и Володя учились в Одессе, где я получил диплом окончания “Одесского художественного училища” с правом быть учителем искусств в средних учебных заведениях. В России – без диплома – заработок денег был немислим», – эти его слова опубликованы в 55-м номере журнала «Color & Rhyme»¹.

Предположение, что работа написана не позднее 1911 года (а скорее всего, и ранее), вызвано не только её стилистикой, но и подписью – D. Burluk. Давид Давидович крайне редко ставил начальную букву имени перед своей фамилией. Подавляющее большинство работ подписано просто – Burluk. Именно латиницей, причём с самого раннего периода его творчества. Возможно, это вызвано тем, что «отец российского футуризма» в 1902-1903 годах учился в Мюнхене, в школе Антона Ашбе и в Академии художеств – у Вильгельма фон Дица, Франца фон Штука и Карла

фон Марра; а в 1904-м – у Кормона в Париже. Возможно, тому были другие причины – так или иначе, подписи кириллицей встречаются редко. В случае с описываемой работой буква «D.» в начале подписи могла быть поставлена для того, чтобы отличить работу Давида от работ младшего брата Владимира, который также учился в Одесском художественном училище в этот период. До нас дошло очень мало работ Владимира, дошедшие подписаны также латиницей или инициалами «В.Б.».

Михневич и даже детские опыты двенадцатилетней Надежды Бурлюк. При этом многие из выставленных работ Давида Бурлюка были датированы более ранними годами (1905-1909) и выполнены в реалистической манере.

Лоэнгрин [П.Т. Герцо-Виноградский] в своей заметке «Зигзаги» (Одесские новости, 05(18).02.1911) писал: «Много протестов, вероятно, вызовут гг. Бурлюки. <...> Весьма умно сделали устроители “Салона”, выставив в комнате одного из Бурлюков некоторые его вещи, напи-

Давид Бурлюк. «Пейзаж». Собственность автора.

Работы Давида и Владимира Бурлюков выставлялись в Одессе многократно – сначала на XVII-й и XVIII-й выставках ТЮРХа, состоявшихся соответственно осенью 1906 и 1907 годов, затем в обоих «Салонах» Владимира Издебского. При этом во втором «Салоне», прошедшем с 6 февраля по 3 апреля 1911 года – как раз во время учёбы Бурлюков в Одессе, – было выставлено 26 работ Давида Давидовича, 12 работ Владимира Давидовича, пять работ их матери Людмилы Иосифовны

санные с прежней манерой»². Сергей Зенонович Лущик в своей книге «Одесские “Салоны Издебского” и их создатель» пишет, что состав коллекции работ Давида Бурлюка во втором «Салоне» становится понятным, если учесть, что Бурлюк приехал в Одессу получить диплом и был принят сразу в пятый художественный класс. Были представлены произведения разных лет с датировкой каждой картины, что не практиковалось ранее в Салонах. «Фактически – персональная выставка к экзаменам!» – замечает С.З. Лущик³.

А вот что пишет в своих воспоминаниях сам Давид Бурлюк:

«В 1904 году лето мы живём в Херсоне и один месяц в Алешках. <...> Работаем здесь: я, Владимир, Людмила и наша матушка, в четыре кисти... Без конца... Неустанно пишу портреты со своей матушки. По целым дням пишу пейзажи: это лето 1905 года должно быть отмечено созданием ряда уже доведенных до известного выявления “законченности” пейзажей Украины. Позже с выставки в Одессе “2-й Салон Издебского” 1911 года большинство работ этих было продано.

Это время в моей живописи отмечено отчаянным реализмом. Каждая веточка, сушечек, травка – всё выписано»⁴.

И действительно, Бурлюк был одним из самых «продаваемых» авторов второго «Салона». 26.02.1911 года «Одесские новости» писали: *«Несмотря на явное недружелюбие, питаемое большой публикой к новому искусству, картины левых художников, выставленные в “Салоне”, очень бойко продаются». Среди приобретённых названы, в том числе, 9 работ Давида Бурлюка. «Распроданы почти все картины Давида Бурлюка», – сообщал «Одесский листок» 11 марта 1911 года»⁵.*

Бурлюк пробовал себя в совершенно разных жанрах – от реализма через импрессионизм, пуантилизм, экспрессионизм и кубизм к футуризму. Его футуристическая работа «Одесса (Порт)», написанная в 1911 году, стала знаковой – сам Бурлюк много раз исполнял различные варианты картины и неоднократно репродуцировал её в своём журнале «Color and Rhythme». Удивительно, но в рамках одного и того же периода Давид Давидович создавал стилистически совершенно разные работы. Понятно, что ранние работы были выполнены в реалистической манере – однако и в 1910-11 годы, когда Бурлюк стал одним из лидеров русского авангарда, он, тем не менее, продолжал писать реалистические этюды Днепра. Обо всём этом можно прочесть в его воспоминаниях – коих, к счастью, достаточно. Вот что, например, пишет Давид Давидович о самом первом своём знакомстве с Одессой:

«1902 год, однако, я уже учился в Одесском художественном училище: Преображенская,

25 [Бурлюк ошибся – он учился в Одессе в 1900-1901 годах – прим. автора]. Лето 1902 года было для меня “историческим”. Я начал писать красками – запоем. Мой отец, Давид Фёдорович нашёл хорошую службу управляющего в имении “Золотая Балка” Святополка-Мирского. <...> Отец дал мне сто рублей: я поехал в Одессу и вернулся в “Золотую Балку”, на берег Днепра с целой корзинкой прекрасных красок. Теперь ночной сторож будил меня, когда начинали тускнеть очи украинских звёзд, когда над запорожским Днепром начинала индеветь пелена тумана в холодеющем перед рассветом холодном воздухе, и я, схватив с вечера приготовленный ящик с красками, бежал писать на берег Днепра весенний рассвет, мазанки запорожцев, голубые дали и вербы, осокори и степные курганы. Так продолжалось до осени.

Когда я привёз в Одессу триста пятьдесят таких этюдов, то Александр Попов-Иорини (Бурлюк соединил двух преподавателей – прим. автора), Ладыженский и К.К. Костанди не только не похвалили меня, но даже сделали выговор, что это “не искусство, а какое-то фабричное производство”»⁶.

А вот ещё один фрагмент из записей Бурлюка: *«1900-1 год в Одесском художественном училище я был переведен по рисованию в фигурный класс, а по живописи в головной. <...> Мой колорит ознакомился с лиловатыми гаммами русского импрессиониста Костанди, и когда я в 1901-2 году опять появился в Казани, затосковав по своим казанским друзьям, то в бесконечном количестве привезенных опять на берега мной этюдов юга было гораздо больше мягкости и понимания тональности»⁷.*

В своих «Фрагментах из воспоминаний футуриста» Бурлюк пишет и о более позднем периоде:

«Ещё гораздо более радикальным между тем оказалось лето 1910 года. Здесь уже были написаны неоиmprессионистические этюды Днепра. К нам приезжали и работали с нами некоторое время Михаил Фёдорович Ларионов, а затем Лентулов. <...> Подобная работа воспроизведена в “Голубом всаднике” Кандинского. У нас в Одессе осенью, Преображенская, 9, был проездом Василий Васильевич Кандинский, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии»⁸.

Этюды Днепра... Наша работа не похожа на этюды Днепра, скорее, – фантазия художника, воображаемый пейзаж со старинной крепостью на далёком холме... Однако это может быть и пейзажем с натуры. В переписке с тамбовским коллекционером, своим «духовным сыном» (так называл его Бурлюк) Николаем Алексеевичем Никифоровым Бурлюк упоминает о серии акварелей «Дунайские замки», которую он писал в 1902 году (письмо

от 10 октября 1961 года)⁹. Такие сюжеты характерны и для раннего американского периода, но как могла попасть она в Одессу, если сам Бурлюк в нашем городе после 1914 года не бывал? И бумага, на которую сейчас наклеена работа, явно дореволюционного производства. Неизвестный коллекционер берёт акварель Бурлюка более семидесяти лет, сохранил её от уничтожения... И я не ошибусь, если назову её спасение маленьким чудом.

¹ Color and Rhyme. 1964-1965. No 55. Hampton Bays, N.Y., U.S.A.

² Лущик С. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. – Одесса, 2005.

³ Там же.

⁴ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. – СПб., 1994.

⁵ Лущик С. Одесские «Салоны Издебского» и их создатель. – Одесса, 2005.

⁶ Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. – СПб., 1994.

⁷ Там же

⁸ Там же

⁹ Д.Д. Бурлюк: Письма из коллекции С. Денисова. – Тамбов, 2011.